

симпозиума. При том, что на симпозиуме обсуждался широкий круг проблем, такие вопросы, как социально-экономические причины иконоборческого движения, его социальное содержание, остались забытыми.

Сборник открывает историческое введение, принадлежащее перу К. Манго. Характеризуя период в общих чертах, автор не выходит за пределы традиционного ряда проблем и предлагает обычное для зарубежного византиноведения их решение. К. Манго останавливается преимущественно на мотивах, побудивших Льва III выступить против иконопочитания. Вопрос не в том, замечает автор, почему иконоклазм возник вообще — подспудная вражда к иконам наблюдается в течение нескольких предшествующих веков, — а в том, по какой причине эта вражда всплыла на поверхность именно в VIII в. Далее К. Манго справедливо указывает на трудности, ожидающие исследователя, вставшего на путь выяснения зависимости иконоборческой политики императоров от иконоборческих настроений народных масс. В действительности невозможно установить, полагает К. Манго, был ли Лев III ответственным за введение иконоборчества или он воплотил в жизнь в виде реформ настроения, которые имели широкую народную поддержку.

К. Манго не склонен рассматривать иконоклазм как часть гражданских реформ императоров-исаврийцев. Автор видит за началом борьбы против икон не социальные, политические или идейные мотивы, а лишь фанатические суеверия. Лев III, по его мнению, сделался иконоборцем из суеверия, так как военный и политический успех с точки зрения византийца зависел от точного соблюдения им религиозной догмы. Изложенная точка зрения представляет собой часть общей концепции иконоборчества, разработанной К. Манго в его трудах.

Иначе вопросы, затронутые во введении, трактуются в статьях Дж. Херрин («Содержание иконоборческой реформы») и Э. Арвейлер («География иконоборческого мира»).

Дж. Херрин не предлагает своего толкования причин возникновения спора по поводу икон в VIII в., не касается и самой сути спора. Рассматривая реформы Льва III и Константина V, автор выясняет соотношение между их политической программой в целом и собственно иконоборчеством. Дж. Херрин рисует исторический фон, на котором развивался иконоборческий спор, — двадцатилетнюю смуту в империи, способствовавшую успеху арабов и приведшую империю на край гибели; многостороннюю и успешную реформаторскую деятельность Льва III и Константина V, направленную на укрепление государства и стабилизацию государственной власти. Реалистическая внутренняя политика императоров и идеологический спор, по мнению автора, составляли два аспекта византийской общественной жизни VIII в. Дж. Херрин подчеркивает взаимозависимость этих двух аспектов, не придавая при этом первенствующего значения иконоборчеству. Борьбу против религиозных изображений она ставит в зависимость от военного и политического успеха Льва III. В заключение автор статьи указывает на то, что взаимоотношения между политическими событиями и религиозным движением не были статичными на протяжении всего периода иконоклазма, они менялись от десятилетия к десятилетью, и именно структура взаимозависимости, по ее мнению, требует дальнейших исследований.

Статья Э. Арвейлер лишь условно может быть названа «География иконоборческого мира». В действительности в ней излагается последовательная концепция иконоборческой эпохи. Э. Арвейлер продолжает ту традицию в историографии иконоборчества, в русле которой оно рассматривалось как крупное политическое движение VIII—IX вв. Однако французская исследовательница вкладывает в понятие «иконоклазм» более широкое содержание, чем это делали ее предшественники. Она видит в нем не столько борьбу государственной власти за главенство над церковью, сколько внутреннюю политику исаврийских императоров в целом, обусловленную чрезвычайным положением в империи.

Основываясь на исследованиях С. Джеро, Э. Арвейлер отвергает господствовавшую ранее в византиноведении так называемую «восточную теорию», согласно которой иконоборческие настроения были внушены Льву III епископами из восточных провинций. «Роль анатолийских епископов была неоправданно преувеличена», — подчеркивает исследовательница. Вопрос об иконах был намеренно поднят императором, который хотел предотвратить военную катастрофу и падение политической власти